

Миф “Великой Литвы” и образы “воина”, “жреца” и “земледельца” в современной литовской и белорусской музыке

Беларусь и Литву, несмотря на определенную видимую непохожесть, в действительности связывает много общего – исторически и культурно. Многие столетия предки современных литовцев и белорусов были не просто соседями, но соотечественниками. Историческая память о “Великой Литве” и по сей день присутствует в культуре и самосознании обоих народов.

В настоящее время понятие “Литва” фактически сузилось до границ современной Литовской Республики. Действительно, несмотря на появление в Беларуси признаков “пробуждения” исторической памяти о временах былого величия (о Литве “от моря до моря”), несмотря на появление в молодежных кругах определенной “моды на ВКЛ”, существенный сдвиг в метальной карте потребует времени. Показательно, что, говоря о Великом Княжестве Литовском, воспевая его посредством разнообразных форм современного искусства, как белорусы, так и литовцы зачастую – вольно или невольно – предпочитают обходить стороной его полиэтническую природу, отводя

своему этносу главенствующую роль в его политической, общественной и культурной жизни.

Но наследие Великой Литвы многолико – она одновременно языческое и христианское, балтское и славянское, мирное и воинственное. Сейчас оно существует лишь в виде легенд и мифов, художественных образов, народных обрядов, песен, музыки.

Музыка, как известно, является неотъемлемой частью многих современных общественно-политических процессов. Она обладает мощной способностью мотивировать, побуждать к действию, передавать определенные ценности, вдохновлять человека; вместе с тем, музыка объединяет, позволяет ощутить себя частью коллективного целого, причем это коллективное целое зачастую распространяется на многие предыдущие поколения, с которыми слушатель чувствует сверхъестественную связь, переживает своеобразный мистический опыт единения. Нередко музыка – в особенности, исполненная вживую – становится частью

ритуала, производит сильное эмоциональное воздействие на человека. Такая музыка является одним из эффективных инструментов влияния.

Говоря о манифестациях мифа Великой Литвы в современной белорусской и литовской музыке следует исключить из рассмотрения большую часть музыкальной сцены и сконцентрироваться на “андеграудном спектре”. Экспансия глобализированной массовой культуры неизбежно приводит к появлению контркультурных движений, что и представляет интерес для нашего исследования. Следует отметить, что в силу целого ряда объективных причин – в том числе, отсутствия сильного национального самосознания – белорусская музыкальная сцена заметно проигрывает литовской как в качественном, так и в количественном отношении. Миф Великой Литвы, в конце 1990-х уже широко распространившийся в литовском “андеграунде”, в Беларуси лишь начинает формироваться.

Следует отметить, что миф Великой Литвы как последней европейской державы, принявшей христианство, в творчестве литовских музыкантов имеет ярко выраженную языческую окраску. Данное обстоятельство является предметом их особой гордости, позволяет с полным на то основанием относить себя к авангарду контркультурного неоязыческого движения в современной Европе. Важную роль играет также давняя – по сравнению с другими аналогичными европейскими движениями – актуализация языческого наследия, восходящая к романтизму и национальному “возрождению”, ко-

торое непосредственным образом повлияло на формирование современной литовской нации.

Литовская музыкальная сцена для многих любителей музыки вне Литвы является своеобразной *terra incognita*, что, однако, никоим образом не связано с качеством предлагаемого ею продукта. Скорее, причиной тому служит изначально сильная ее внутренняя ориентация, самодостаточность, посвященность исследованию “родной” традиции, отсутствие в списке главных приоритетов стремления следовать глобальным тенденциям, литовскоязычностью текстов. Необходимо отметить также и сильную сплоченность литовской сцены, патриотизм ее непосредственных участников – музыкантов, промоутеров и простых слушателей. Их этичность, следствием чего является сравнительно низкий уровень (в сравнении с другими странами) нарушения авторских прав в Интернете и ограничения для бесплатного прослушивания музыки.

Несмотря на отсутствие широкого мирового признания, литовская сцена продолжает оставаться динамичной, растущей, многообразной и самодостаточной, качественно и количественно не только превосходя по многим параметрам аналогичные сцены соседних и сопоставимых по размерам балтийских республик, но также оказываясь конкурентоспособной на фоне более крупных европейских стран.

Музыка Великой Литвы, в отличие от обычной поп-музыки, редко исполняет исключительно развлекательную роль; она в значительной

мере мифологизирована и взывает к трем основным архетипам: жреца, воина и земледельца, соответствующим трехсословному видению древнего индоевропейского общества Жоржа Дюмезиля. Причем данные архетипы сохраняют свою актуальность и в христианском контексте, при рассмотрении сравнительно небольшого сегмента сцены, ориентированного на более позднее, христианское наследие Великого Княжества. Таким образом, музыка, заключающая в себе миф Великой Литвы, может нести в себе языческий или христианский посыл, но никогда – атеистический. Такая музыка становится явлением идеологического порядка, а ее развлекательная функция неизбежно оттесняется на второй план (хоть и не исчезает вовсе), уступая место образовательной, пропагандистской, объединяющей, ритуальной и иным важным в данном контексте функциям.

I. Образ “война” и войны

Литовская неоязыческая музыка предлагает стилистическое многообразие. Литва сильна, в первую очередь, своим богатым фольклорным наследием, и именно оно является определяющим в творчестве местных групп вне зависимости от стиля – будь то архаический фолк, фолк-рок, языческий метал или же одна из разновидностей индустриальной музыки. Даже такой, казалось бы, фэнтези-ориентированный музыкальный стиль, как power metal, крайне редко используемый в пропаганде национальных ценностей и патрио-

тизма (здесь мы можем вспомнить разве что украинский *Finist*), нашел свое применение на литовской сцене, сделавшись мощным инструментом в руках музыкантов группы *Thundertale* из Каунаса. Эта активно концертирующая группа (больше 100 концертов за последние три года, включая акустические), начиная с 2005 года, выпустила три полноформатных альбома и два концертных DVD-диска, на которых характерные для стиля англоязычные тексты соседствуют с литовскоязычными.

Что характерно, в музыке группы явно чувствуется присутствие элементов национального фольклора, ощущается воинственный дух, связывающий поколения “борцов за свободу” от древних языческих воинов Великой Литвы до тех, кто боролся за независимую Литовскую Республику в начале XX века (песня “*Kol viltis gyva*”, на которую в 2011 году был снят официальный клип), а также их современных потомков. Как отмечают сами музыканты на своей странице в Myspace: “своей музыкой *Thundertale* представляет дух древних литовских воинов, их представления о чести, силе и героизме... ЗА РОДИНУ! – Этот девиз направляет музыкантов” (*Thundertale*).

Thundertale, уже одним своим названием подчеркивающий прочную связь с богом-громовержцем, богом-воителем Перкунасом, который, несомненно, является одним из наиболее ярких молодых носителей воинского архетипа и находит свое выражение не только в музыке, текстах песен, но также в используемом музыкантами многих литовских групп

образно-визуальном ряде, включающем символику, внешний вид, оформление альбомов, смысловую нагрузку, которую несут названия групп, песен и альбомов, псевдонимы музыкантов.

Если взять в качестве примера вышеупомянутый *Thundertale*, обложки его альбомов (прежде всего, “*Milžinai*”, “*Warriors of Thunder*” и “*Perkūno Sakmės*”) содержат целый ряд символов и визуальных образов, характерных для воинского архетипа – иссеченные мечами воинские шлемы; батальные сцены; спускающиеся с небес в гущу битвы боги; молнии, символизирующие воителя и громовержца Перкунаса.

Образы битв, древних балтских воинов присутствуют также на обложках альбомов таких групп, как *Eudine Seythe*, *Zpoan Vtenz*, *Obtest*. Средневековая гравюра, изображающая Грюнвальдскую битву, присутствует на обложке пост-фольклорного альбома литовского проекта *Donis* “*Kas tave šaukia...*”, посвященного 600-летию этого исключительно важного в военной истории Великой Литвы исторического события. Сам альбом, кстати говоря, представляет собой “*современное прочтение старых литовских песен, так или иначе связанных с войной*” (Kas tave, 2010). Символично, что его презентация беларускому слушателю и, одновременно, дебют проекта на беларусской земле пришелся на пятый по счету ежегодный фестиваль *Crivia Aeterna*, также посвященный Грюнвальдской битве.

Продолжая экскурс в необычные и нетрадиционные, если говорить о

продвижении фольклора и народных традиций, музыкальные стили, невозможно обойти вниманием другой литовский проект, несущий в себе ярко выраженный архетип воина – *Notanga*, своеобразный all-stars литовской экспериментальной сцены, в котором поучаствовали такие известные на ней персоны, как шеф ведущего литовского неоязыческого лейбла *Dangus* Угнюс Лиоге (*Ugnius Lioge*), мультиинструменталист *Донатос Белкаускас* (*Donatas Bielkauskas*), известный по проектам *Donis*, *Wejdas*, *Eirime*, *d.n.s.* и ряду других, *McKaras* (с литовского языка слово “*karas*” переводится как “война”).

Музыка проекта вобрала в себя массу влияний, простирающихся от ЕВМ до архаичного фолка, предоставив богатое поле для интерпретаций музыкальных критиков, увлекающихся стилистической категоризацией. *Notanga* – область в Восточной Пруссии, родина *Херкуса Мантаса*, возглавившего в 1260 году восстание против тевтонских рыцарей и насаждаемого ими христианства; его военные победы позволили балтским племенам объединиться и отстоять свою независимость. Неудивительно, что *Мантас* стал для части литовцев одним из символов борьбы за языческую Литву, за возвращение былого единства и величия балтских племен.

Таким образом, *Notanga* стала естественным и органическим воплощением девиза лейбла *Dangus* – “*United Tribes of Baltica*”. Концептуально посвященный древней Пруссии, “*наиболее священной балтийской земле*” (*Dangus*). Проект, как метко заметил *Алексей Дермант*, имеет

“добры прысмак вялікалітоўскага імперыялізму” (Дзермант, 2009), ведь в настоящий момент литовский музыкальный “андеграунд”, опираясь на богатую историческую традицию, пытается взять на себя роль “духовного лидера” и проводника к “земле обетованной” потомков древних балтских народов. И потому тексты единственного альбома проекта, “Laukti Liko Nebedaug” (2001 год), исполнены мессианского духа и непоколебимой уверенности в неизбежности грядущего триумфа: *“В Натангу!... Огонь Свободы – это Огонь Войны... Дай Натанге – Корону Восстания и Свободы... Ибо ждать осталось недолго... Дайте крови засохшей земле!”* (Notanga 3000).

Воинственные образы древней, языческой Пруссии вообще являются достаточно характерными для литовской языческой сцены, ведь именно Пруссия “стала мурам, аб які разбілася агрэсія хрысціянскай Еўропы супраць культуры балтаў. Яны [прусы] ахвяравалі сабою, не адступілі ні на крок, іхная палітая крывёю зямля кліча нас вярнуцца да нашых супольных вартасцяў” (Вайшкунас, 2005).

Так, альбом “Tukstantmetis” (1997 год) вильнюсской группы *Obtest* был посвящен “одному из наиболее благородных балтских народов – пруссам. Они первыми столкнулись с несущими духовную бездну и погибель посланниками славян и христианскими упырями. Именно они первыми сразились с ними 23 апреля 997 года, убив первого христианского миссионера... Но они также и первыми пали...” (Obtest, 1997). В качестве вступления на альбоме прозвучали

слова Херкуса Мантаса из одноименного фильма, снятого в советской Литве в 1972 году.

Zroan Vtenz, исполненный духа милитаризма проект музыкантов культовой языческой группы *Roccolus* из Утены, исполнявший оригинальный языческий метал, в основу которого были положены древние военные балтские песни, выпустил в 1998 году свой единственный альбом с характерным названием “Gime Nugalët” (“Рожденные Победить”). И опять необходимо отметить своеобразный реверанс в сторону древней Пруссии – название проекта взято с древнего прусского флага и означает “Победа Витиса” (*Zroan Vtenz*). Иную – лишённую воинственности – интерпретацию прусского наследия, “края святароў, зямлі тэакратычнай супольнасці” (Вайшкунас, 2005), предлагает на своем альбоме “Prūsų giesmės” специализирующаяся на исполнении архаичного литовского фольклора группа *Kūlgrinda*, непосредственным образом связанная с наиболее массовой и известной литовской неоязыческой организацией “Ромува”. Все песни на данном альбоме, как следует из аннотации на странице *Dangus*, спеты на “архаичном и таинственном прусском языке... [который обрел здесь] свою новую жизнь” (*Dangus*).

Противостояние с немецкими рыцарями-крестоносцами вообще является одной из центральных тем творчества литовских языческих групп, воспевающих воинскую доблесть и славу своих предков. В отличие от белорусских групп, вдохновляющихся великолитовским во-

инским духом, в центре внимания которых находится противостояние с Московией, литовские музыканты предпочитают концентрироваться на боевых действиях на западных рубежах. Объяснением этому, как представляется, служит тот исторический факт, что духовная экспансия, угроза языческой Литве исходила, в первую очередь, именно с запада, а не с востока. Экспансия Москвы носила не столько религиозный, сколько ярко выраженный территориальный характер.

Противостоянию с крестоносцами посвящена значительная часть творчества уже упомянутой выше литовской группы *Obtest*. Творчество группы можно назвать кратким экскурсом в дохристианскую историю Великой Литвы, период ожесточенных сражений балтских племен на беспокойном пограничье древней языческой и стремительно расширяющейся молодой христианской цивилизации. В частности, одна из знаковых для литовской истории дат была отражена в названии песни “*Anapus Nemuno (1283)*” с альбома “*Auka Seniems Dievams*” (2001 год). В этом году, как следует из одного интервью с музыкантами, “*Литва была атакована с запада христианским [Тевтонским] орденом, начавшиеся же впоследствии войны продолжались в течение последующих 200 лет*” (*Obtest*). В целом же, основная часть лирики этого альбома была посвящена “*войнам Литвы с христианскими орденами в XIII–XIV веках*” (*Obtest*). Войны с крестоносцами красной нитью проходят через творчество каунасской группы *Angis*,

уже неактивной, а также *Eudine Seythe* (впоследствии – *Karas*, Война) из Вильнюса, которая свой единственный альбом, озаглавленный “*Sakmė apie 9 kruvinguosius mūšius*” (“Сказ о девяти кровавых битвах”), полностью посвятила противостоянию с крестоносцами. В частности, в одной из песен была воспета легендарная битва на берегу озера Дурбес, в которой жемайтское войско разгромило объединенную армию тевтонских и ливонских рыцарей.

Жемайтия, один из регионов исторической и современной Литвы, в XIII–XVI веках являлась, в силу своего расположения (между Тевтонским и Ливонским орденом), полем ожесточенной битвы балтов и немецких рыцарей, язычников и христиан; более того, именно Жемайтия оставалась последним бастионом языческого духа в христианизированной Европе. Отсюда ее заметное место в творчестве ряда литовских языческих групп. В частности, *Meressin* из Тельшяя, одна из известных литовских блэк-металлических групп, пионеров стиля, пропагандировавших долгое время со сцены сатанинскую идеологию, в конце 1990-х обратилась к региональной языческой мифологии, героическому воинскому эпосу, а также аутентичному жемайтскому языку как средству наиболее целостного выражения творческой концепции, кардинально изменив при этом не только музыкальную, но также идеологическую сторону своего творчества. Альбом 2001 года “*Alkis*” был записан с текстами на аутентичном жемайтском языке, посвященными “*войне, древним богам и*

воинам” (Meressin). *“Мы были здесь. Мы сейчас здесь, с корнями, уходящими глубоко в нашу землю. И мы остаемся здесь, храня Гордость и Наследие наших Предков... Лишь Война является Истиной”* (Meressin).

Абстрактными, архаичными образами войны, не привязанными к какому-либо определенному историческому событию, наполнено творчество ряда других литовских групп, играющих языческий метал. Таковы Siaurgys из Кайшядориса (*“Призванный Богом Войны, смело иди в бой, поднимай тяжелый стальной меч в свете кровавой луны”*, песня “Karo Dievo Šauktas”, “Вызывание Бога Войны”); Dissimulation из Аникшя (песни “Mūšis Rūke”, “Битва в тумане”), “Karo Ugnys” (“Пламя войны”); Peorth из Вильнюса (“Kardų Giesmė”, “Песнь меча”); Pocolus из Утены (“Junda, Karo Deivė”, “Юнда, Богиня Войны”), (“Naujosios Eros Kariai”, “Воины новой эры”); Andaja из Вильнюса (“Kariū”, “Воинам”). В этом же ряду можно было бы упомянуть также активные в настоящий момент группы *Luctus* и *Argharus*, также воспевающие войну, однако их творчество практически не имеет точек соприкосновения с мифом Великой Литвы.

Если оставить в стороне ранние музыкальные эксперименты, изданные в виде демо-записей и посвященные поиску своего неповторимого звучания, стиль упомянутых выше музыкантов характеризуется сочетанием тяжелой, уходящей своими корнями в black metal, основы с элементами традиционного фолка, использованием народных инструментов и мелодий, сочетанием резкого

рычащего вокала с традиционной манерой пения; нередко используется также женский вокал. Тематика песен непосредственно связана с литовской историей и мифологией, откуда берутся многие сюжеты, прославлением богов и героев; особое место в текстах отводится природе в различных ее проявлениях.

Отдельной строкой необходимо отметить присущую стилю глаорификацию войны, а именно, в нашем случае, эпическое противостояние балтских языческих племен христианским завоевателям, причем противостояние это становится еще более драматическим, принимая во внимание тот факт, что, помимо территориальной экспансии, имела место также экспансия культурная. Последующий упадок национальной государственности, нравственная деградация и целый ряд других насущных проблем непосредственным образом связываются с итоговым поражением в этой борьбе.

Необходимо указать также и на коснувшуюся сцены языческого метала мировоззренческую эволюцию, результатом которой стало упразднение значительной части деструктивных, мизантропических, нигилистических элементов свойственной ранней блэк-металлической субкультуре философии. На смену ей пришла новая система ценностей, одним из краеугольных камней которой стало созидание, разрушение не ради разрушения, но ради того, чтобы вернуть себе то, что было “однажды утеряно”, ради того, чтобы на руинах “чуждого миропорядка” построить новый, справедливый мир.

Интересным и показательным в данном контексте видится постепенное введение в обиход светлой, солнечной символики, нового образно-визуального ряда, резко контрастирующего с изначально черно-белой эстетикой *black metal*, а также отказ от использования языческими музыкантами характерного для данной субкультуры черно-белого грима, так называемой “трупной краски”.

Описанный выше милитаризм, наряду с культом воина и эстетизацией войны, в полной мере присущ литовской сцене языческого метала. Соединяясь с проявлениями национальной гордости и элементами “традиционной духовности”, они формируют яркую утопию, антимондиалистский проект. Дух эволианского языческого империализма (Эвола, 1990), спроецированный на балтскую традицию, питает пробуждающийся миф Великой Литвы, призывая радикально покончить с какими-либо компромиссами в отношении христианской церкви и провозглашаемых ею ценностей. Фактически, для данного сегмента сцены характерна твердая убежденность в том, что Великая Литва заканчивается там, где начинается Литва христианская.

Беларусская сцена языческого метала, достаточно динамично развивающаяся в последние годы, в силу целого ряда объективных причин весьма неохотно адаптирует великолитовскую, балтскую или даже балто-славянскую тематику. Большая часть групп, подражая соответствующему сегменту российской сцены, действует в рамках идеологической концепции славянского “триедин-

ства” или же просто обращается к абстрактному понятию “славянские народы”, рассматривая беларусов в качестве интегральной части этой достаточно размытой общности. Данная тенденция связана, прежде всего, с недостаточно сильным национальным самосознанием. Отсутствие национальной специфики характеризует местную языческую сцену практически с самого момента ее зарождения, начиная с первой волны беларусских металлистов-язычников (*Gods Tower, Oyhra, Apraxia*) и заканчивая молодыми группами (*Дрыгва, Дзяды, Яр*). Как следствие, миф Великой Литвы, воинский архетип, являющийся одним из его проявлений, представляют собой явление скорее спорадического, крайне нерегулярного и не носящего систематический характер порядка.

Впервые великолитовский воинский архетип на беларусской сцене проявил себя в творчестве минской трэш-металлической группы *Aquamorta*. Песня “Крочым поплич” с единственного на настоящий момент альбома группы “Заклік Крыві” (2001 год) стала одной из наиболее ярких манифестаций воинственного мифа Великой Литвы на беларусской сцене. В отличие от большинства литовских групп, подчеркивающих языческую составляющую своего творчества, концентрирующихся на противостоянии с рыцарями-крестоносцами и более раннем периоде литовской истории, музыканты *Aquamorta*, избегая прямых религиозных коннотаций, воспевают эпическое противостояние на восточной границе княжества – с Москвой,

причем в тексте песни “Крочым поплеч” ясно видна проекция рассматриваемого исторического события на настоящее и даже будущее время: *“Узгадайма ваяроў, па чыёх ідзе сьлядох. Не аднойчы і ня двойчы яны білі там чужынаў, ручаямі лілі кроў... Крочым поплеч на Ўсход па шляхах Альгерда!... Ідзе вайною род ліцьвінаў – племя вояў!”*

Великолитовские интонации слышны также и на последнем альбоме минской группы *Aeon Noctis*, играющей музыку в стиле *black metal*, а именно – в песне “Пагоня”, в качестве текста для которой было взято одноименное стихотворение Максима Богдановича: *“У белай пене праносяцца коні, Рвуцца, мкнуцца і цяжка хрыпяць... Старадаўняй Літоўскай Пагоні Не разьбіць, не спыніць, не стрымаць”*. На это же стихотворение написала музыку и гомельская *military pop* группа *Svalbard*.

Широкое распространение на той части белорусской неоязыческой сцены, которая ориентирована на наследие Великой Литвы – если так, конечно, можно говорить, принимая во внимание ее относительно скромные размеры, – приобрела концепция “Кривии”, мифической балтской прародины современных белорусов. Фактически, в настоящий момент “Кривия” стала своего рода символом, знаменем, под которым собираются сторонники альтернативной – и оппозиционной ныне существующим – балто-белорусской национальной идентичности. Будучи *“мітам пра “залаты век” нашага этнасу... вельмі прыгожым і велічым мітам, які лучыць сучасную Бе-*

ларусь зь яе пачаткамі” (Дзермант, 2008), Кривия подвергает радикальной ревизии сами основания – исторические, культурные, религиозные, мировоззренческие, геополитические – на которых построено современное белорусское государство. Одновременно, использование понятия “Кривия” позволяет обозначить индивидуальность, самостоятельность балто-белорусского этноса, принимая во внимание сужение в представлениях современного белоруса понятия “Литва” до границ Литовской Республики.

С религиозной точки зрения, “миф Кривии” стоит в оппозиции христианской цивилизации, и это, по всей видимости, является одной из главных причин его растущей популярности прежде всего в неоязыческом сегменте белорусской музыкальной сцены. И хотя кривская мифология и кривская интерпретация истории еще только начинает пускать корни в творчестве соответствующих металлических групп (ситуация на фольклорно-индустриальной сцене выглядит более показательной), имеющиеся сведения уже позволяют говорить об определенной моде, тренде, который постепенно складывается в этих кругах. В частности, необходимо отметить растущую популярность понятия “Кривия” и “кривский” для обозначения музыкантами своего стиля и своей национальной принадлежности.

Так, музыканты могилевской блэк-металлической группы *Kruk* характеризуют свою музыку словами *“сапраўдны цяжкі метал смерці з Крыві”*. Творчество группы

наполнено образами – текстовыми и визуальными – Кривии, воинственными и мистическими, обретшими свое наиболее полное воплощение на последнем альбоме “Endkampf” (2008 год). Минская группа *Medieval* ссылку на белорусскоязычную версию своей официальной интернет-страницы обозначила словами “Крыўская пустка”. Niemaracz Clan, неформальная организация, объединяющая в своих рядах ряд белорусских андеграундных блэк-металлических групп (таких как *Dalakon*, *Deofel*, *Pestilentia* и другие), лейблов (Aeon of Horus Productions) и печатных изданий, также идентифицирует себя именно с Кривией.

В 2006 году на российском правом лейбле Othal Productions вышел диск с компиляцией песен белорусских проектов *Druvis*, *Wackhanalija*, *Khronos*, *Hebrewdead*, *Hreswelgr*, *P.D. SS Totenkopf*, озаглавленный “Crivian Heathen Madness”. Последний из них, *P.D. SS Totenkopf*, первым из белорусских металлических групп обратился к знаковой – как для Беларуси, так и для Литвы – победе под Грюнвальдом, посвятив ей песню “1410 Grunwald” с альбома “Лясныя Браты” (2006 год). Следует отметить, правда, что в тексте этой песни ни разу не прозвучало слово “Литва”; в качестве национального идентификатора музыкантами использовалось слово “Беларусь”.

Яростный, бескомпромиссный и археофутуристический мессинский посыл роднит белорусский *Кривакрыж* с рассмотренной выше Notanga. Проект А. Микуса, одного из основателей политического ру-

пора балтской идеи, организации “GEGA Ruch”, появившейся на белорусском политическом ландшафте в конце 1990-х, *Кривакрыж* стал музыкально-артистическим выразителем сформулированного ею кривского манифеста. Творчество проекта – своеобразная маршевая музыка, исполненная духа великолитовского милитаризма и империализма, жажды реванша, Кривского Ренессанса и Реконкисты, духовного обновления, ведь, как отмечает сам А. Микус, “*нашае памкненне не гэтулькі тэрытарыяльнае, колькі рэлігійнае*” (Микус, 2008).

Своим духом *Кривакрыж* близок упомянутой выше *Aquamorta*, однако, вместе с тем, идет еще дальше, предлагая целостную и законченную концепцию, радикальное мировоззрение, устремленное в будущее и подвергающее категорической ревизии цивилизационные установки и самовосприятие среднестатистического белоруса (“толерантный”, “мирный”, “покладистый”).

В настоящий момент, пожалуй, *Кривакрыж* является наиболее завершенным воплощением великолитовского воинского архетипа на белорусской музыкальной сцене, причем важно отметить, что энергичные песни проекта – это не столько призыв к уничтожению (как в песне “Масква”: “*Гэта мы былі, хто маліў не згасіць ад маланкі пажар над Масквой*”), сколько призыв к объединению “исконно кривских земель”, отчетливо сформулированный в единственной русскоязычной песне альбома “Великая Литва”: “*Пусть бужует Двина, разъяряется Днепр и*

*навечно Московия сгинет. Мы при-
ветствуем вас, о родная нам Тверь,
о Смоленск, братний нам и поньне”.*

Воинский архетип представлен и в фольклорном сегменте литовской сцены, причем данный сегмент включает в себя не только фольклорные коллективы в узком смысле этого слова, но также всевозможные стилистические интерпретации музыкального наследия Великой Литвы, такие как фолк-эмбиент, фолк-рок, пост-фолк. Выше уже говорилось о последнем альбоме “Donis”, представляющем собой современную интерпретацию традиционных литовских военных песен. Грюнвальдская тематика в последние годы оказалась востребована не только на литовской, но также и на белорусской сцене, свидетельством чему стал совместный альбом молодой литовской группы *Gyvata* и белорусского *Pragnavit* – второй, после *Tylos Labanoro*, опыт издания совместного диска представителями музыкальной сцены Беларуси и Литвы. Данный альбом становится знаковым, если смотреть на него как на первую попытку современной интеграции двух основных народов Великого Княжества Литовского на основании общего культурно-исторического наследия. Музыканты *Gyvata*, продолжая генеральную линию последнего альбома проекта *Donis*, предлагают слушателю современную интерпретацию традиционных литовских песен о войне, тогда как музыканты *Pragnavit*, в не свойственной для себя стилистике окрашенного в яркие этнические тона *martial industrial*, открыли слушателю новую грань своего талан-

та – “*воинственную, симфоничную и агрессивную*” (*Gyvata/Pragnavit*, 2010). В то же самое время, литовская сцена предлагает слушателю военные песни и в максимально приближенном к аутентичному исполнению, которым характеризуется творчество таких групп, как *Ugniavijas* и *Karužė*.

На белорусской музыкальной сцене, в том ее сегменте, который имеет отношение к архаичному фольклору и его современным интерпретациям, миф Великой Литвы звучит не столь воинственно. Исключение, кроме упомянутого выше *Pragnavit*, составляет, наверное, наиболее известная в Беларуси и за ее пределами группа, популяризирующая наследие Великого Княжества Литовского, *Стары Ольса*. В ее репертуаре, наравне с народными балладами, танцами, популярными средневековыми мелодиями и музыкой эпохи Ренессанса, видное место занимают воинские песни. В частности, обращают на себя внимание следующие альбомы группы:

“Келіх кола” – “*Энергия, злость и высокородство [так в тексте] воинственных предков. Исключительно акустическая музыка... отражает художественные вкусы военного сословия средневековой Беларуси*”, (*Стары Ольса*).

“Скарбы літвінаў – Рэнэсанс”. Песни “*Бітва пад Воршай*”, “*У каралеўскім войску*”, “*Рыцар збройны*”.

“Скарбы літвінаў – Сярэднявечча”. Песни “*Песня а князю Вітаўце*”, “*Багародзіца*”, “*особенный гимн ВКЛ, который пело войско ВКЛ перед каждой битвой*” (*Стары Ольса*).

“Спевы рыцараў і шляхты Вялікай Літвы” – “*Зайграйма на старых ін-*

*струментах забытыя мелодыі, за-
спявайма староў мовай забытыя
песні – каб абудзіліся старыя Героі
ды дапамаглі ачысціць Айчыну!*”
(Стары Ольса).

“Доблесная беларуская гісторыя і
прапаганда нацыянальнай культуры”
лежат в основе творчества минской
группы *Рокаш*, исполняющей музыку
в стиле фолк-рок (Рокаш, 2006). При-
чем великолитовское наследие зани-
мает в ее творчестве ключевое место.
Его воинская сторона наиболее полно
и ярко проявляет себя в песне “Балада
пра ліцьвіна”: *“Не лунаць над краінай
варожым сьцягам, Нам пад ботам
чужынскім ня быць. Станем мы як
сьцяна, бо ў нашых шыхтах Князь
Альгерд поруч з намі стаіць.”*

Поднятию боевого духа совре-
менных потомков воинов Великой
Литвы в немалой мере способствуют
концерты и музыкальные фестива-
ли, причем собственно музыкаль-
ный аспект в обязательном порядке
дополняется обширной культурно-
исторической составляющей, что
неизменно превращает данные ме-
роприятия в праздник традицион-
ной балтской культуры с обязатель-
ной реконструкцией элементов быта
предков, боевыми представлениями,
религиозно-ритуальной частью. Все
это способствует популяризации
истории балтских народов, укреп-
лению национальной и этнической
идентичности, единению единомыш-
ленников перед лицом глобальных
вызовов, а также распространению
соответствующего мировоззрения.

Первой попыткой объединения
про-балтских неоязыческих музы-
кальных групп стала серия музы-

кальных фестивалей “Baltic Thunder”
 (“Балтийский Гром”), раскаты ко-
торого в 1998 году докатились и
до Минска. В разные годы под его
знамена становилась практически
вся элита радикального неоязы-
ческого прибалтийского метала,
включая эстонские *Loits, Manatark,*
Tharaphita, латышские *Skyforger,*
Heresiarh, литовские *Dissimulation,*
Peorth, Angis, Donis, Zpoan Vtenz. С
1999 года в Литве ежегодно прово-
дится фестиваль “Kilkim Žaibu”, ко-
торый без преувеличения можно
назвать одной из крупнейших мани-
фестаций воинственного языческого
духа в Восточной Европе. Неслучай-
ным и символичным видится выбор
места, где прошли первые десять фе-
стивалей – Семигалия (современная
Латвия), древняя балтская страна,
ставшая последней на пути кресто-
носцев перед их нападением на ли-
товские земли; место, где состоялся
ряд знаменательных битв, включая
воспетую латышским *Skyforger* Битву
при Сауле. После своего поражения
многие семигаллы нашли убежище в
землях своих балтских братьев жа-
мойтов. Именно в Жамойтии, в го-
родке Варняй, начиная с 2010 года,
“сверкают балтийские молнии”. *“Дух
мероприятия можно описать следу-
ющими словами: ожидание битвы,
возбуждение, кровь, боль, гнев,... аг-
рессия, эйфория победы... Здесь гре-
мят боевые барабаны, гудят трубы,
звонит оружие, разносятся древние
военные песни...”* (Kilkim Žaibu).

Необходимо отметить, что в дан-
ном мероприятии, кроме целого ряда
литовских языческих исполнителей,
принимали участие и белорусские

музыканты – *Gods Tower, Litvintroll, Znich*; кроме того, с каждым годом все больше поклонников фольклорной и тяжелой музыки из Беларуси направляются в жемайтские леса, желая соприкоснуться с артистическими манифестациями великолитовского воинского мифа.

II. Образ “жреца” и “земледельца”

Жреческий архетип занимает на неоязыческой сцене Литвы и Беларуси не менее важное место, чем архетип воинский, ведь “борьба”, которую ведут музыканты против современного мира и всевозможных его манифестаций, носит, прежде всего, духовный характер. Вооруженная борьба без предварительного духовного обновления теряет всякий смысл, изначально обречена на провал. Именно поэтому одна из основных целей музыкантов-неоязычников заключается в прозелитизме, обращении молодежи к забытым традициям и ценностям предков, в искоренении христианства, которое видится корнем многочисленных современных зол.

Языческие музыканты на сцене – это, в первую очередь, жрецы, возносящие молитвы древним богам; их музыка, сценическое выступление – это ритуал, тщательно подготовленный и выверенный, опирающийся на сохранившуюся, но чаще реконструированную, информацию о религиозной стороне жизни предков. Во многих случаях творчество идет рука об руку с историческими, этнографическими, эзотерическими

исследованиями, участием в жизни неоязыческих общин.

Все вышеперечисленное весьма характерно для белорусских и, в заметно большей степени, для литовских музыкантов, что неудивительно, учитывая характерный для Литвы высокий интерес к языческому прошлому, которое является важным элементом национальной идентификации, предметом национальной гордости.

В какой-то степени это объясняет пропорционально невысокое представительство открыто сатанинских групп в литовском “андеграунде”; существующие же – например, ранний *Meressin* и *Dissimulation* – не чураются обогащения своего творчества элементами языческой идеологии. При рассмотрении данного вопроса необходимо обратить внимание также и на тот факт, что на “металлической” сцене жреческий архетип находит свое выражение в заметно более радикальной, агрессивной форме по сравнению с фольклорной сценой, нередко будучи дополняем архетипом воинским, характеризуется жесткой антихристианской манифестацией. На фольклорно-постиндустриальной сцене его проявления носят, как правило, заметно более мягкий – в музыкальном и идеологическом плане – характер.

Многие музыкальные группы по обе стороны границы своим названием отсылают слушателя к персонажам высшей и низшей мифологии – богам, духам, демонам. Соответственно, вольно или невольно, музыканты этих групп позиционируют себя в качестве служителей означенных сил, отождествляют себя с ними,

что находит отражение в текстах, музыке и образно-визуальном ряде, ведь *“такие названия имеют особый ореол и иногда означают больше любого обычного слова”* (Roscolus).

Andaja из Вильнюса получила свое название в честь древней балтской богини судьбы и страха, *“великой богини трясин и топей, мистцизма и неизвестности, которое они скрывают, приносящая страх и ужас непонимающим в теле женщины, окутанной зеленым сиянием”* (*Andaja*), нашедшей отображение и в логотипе группы.

Название альбома группы *“Īš atminties”* (*“Из воспоминаний”*) непосредственным образом связано с образом богини: *“Из болот и топей, из нецивилизованных диких мест мы воскрешаем давно забытые чувства. Это воскресшая богиня, которая по-прежнему сохраняет то, что не меняется со временем, самое важное. Это дань всем нашим великим предкам, Народному Духу, вере, балтскому наследию, которое находится у нас глубоко в памяти”* (*Andaja*, 2007).

Группа *Ha Lela* из Утены свое название позаимствовала из архаичных литовских погребальных песен, обращенных к богине земли Леле (*Ha Lela*). Лела – древняя литовская богиня, ответственная за рождение и смерть, за сопровождение мертвых душ к месту их последнего успокоения; в то же самое время, *“Ha Lela”* – это боевой клич, с которым воины-язычники бросались на врага. Музыка и тексты группы пропитаны чувством ностальгии по давно минувшим временам, сожалением о разрыве человека с матерью-приро-

дой и родной землей в угоду цивилизации. *“В свете полной луны, в тени священных дубов собираются духи наших пращуров”* (*Ha Lela*, 1996).

Музыканты группы *Roscolus* посвятили свое творчество прусско-литовскому богу смерти и тьмы, отражающему *“смерть, ненависть, разрушение, тьму, мудрость, являющемуся главнейшим богом в королевстве умерших”* (Roscolus). *Laime*, дарк-эмбиентный проект музыкантов группы *Ha Lela*, записавший в 1996 году свой единственный мини-альбом в кассетном формате, был назван в честь древней литовской богини неба и земли, которую позже наделили также способностью насылать ночные кошмары.

Интересен пример одной из старейших литовских блэк-металлических групп, *Nahash* из Каунаса, музыканты которой в 1996 году свой альбом *“Wellone Aeternitas”* посвятили литовской богине смерти Велиуоне и ее культу. Именем бога погребального огня назвали свою группу – одну из старейших на белорусской музыкальной сцене – музыканты минского *Зьніча*. В 2007 году, на альбоме *“Крыжы-Абярэгі”* группа впервые обратилась к мифологическим образам балтского культурного наследия, в частности, в песне *“Крыва-Крывейта”*, центральной фигурой которой стал литовский языческий первосвященник. Ее слова несут заметный ритуальный, заклинательный оттенок: *“Крыва-Крывейта, апошні свьятар, распалі агонь, абудзі алтар. Дай жыцьцю подых зямлі, каб з муроў паўсталі Багі. Мы верым у час той новы, калі адродзіцца Крэва і зьнікнуць дажджы, Узьнімуцца з*

целмы сьвятыя Агні, каб цела і кроў сваю зьберагчы”.

В названиях групп присутствуют также и имена других мифологических персонажей, более низкого ранга, если сравнивать их с богами, но, тем не менее, обладающими определенными сверхъестественными способностями, имеющими доступ как в мир живых, так и в мир потусторонний, населенный богами, духами и душами умерших. Таков, к примеру, *Sovijus* – проект Муниса, харизматичного музыканта таких культовых на литовской сцене групп, как *Roccolus*, *Ha Lela*, *Zpoan Vtenz*. Совиус, в балтской мифологии – легендарный волшебник, умудрившийся пройти через все девять врат преисподней и принести древним балтским племенам знание о том, как использовать огонь в погребальных обрядах (*Sovijus*). Беларуский *Dalakon* взял себе имя “могильного духа в Крывской [так в тексте – И.Л.] мифологии” (*Dalakon*).

В еще большей степени религиозной символикой, мифологическими сюжетами и языческими образами наполнены тексты песен рассматриваемых музыкальных групп. Здесь представлена большая часть пантеона богов, а также демонических и природных духов. Музыкальная часть характеризуется широким использованием обрядных, ритуальных песен – аутентичных и реконструированных.

Широкое распространение – как в Литве, так и в Беларуси – получили группы, специализирующиеся на исполнении архаичного, ритуального фолка, в ряде случаев представляющие собой своеобразные религиоз-

ные, неоязыческие общины (или же выступающие от имени таковых), как упоминавшаяся уже *Kulgrinda*. Заслуживает внимания записанный ею совместно с клайпедским проектом *Donis* альбом “*Sotvaras*”, представляющий собой “*архаичные песнопения, посвященные Зимнему Солнцестоянию... Сакральный опыт этого времени, когда весь мир обновляется величайшим и наиболее загадочным первобытным Богом. Одно из его проявлений носит имя Сотварас*” (*Donis su Kulgrinda*). Каждое выступление таких групп превращается в религиозный ритуал, акт поклонения и прославления древних богов, в который вовлекаются также и слушатели.

Интересен в данном контексте проводимый при частичной поддержке Министерства культуры Литвы ежегодный фестиваль “*Mėnuo Juodaragis*”, который в 2011 году состоится уже в четырнадцатый раз: “*фестиваль современной балтской культуры, фокусирующийся на наследии языческой традиции, балтском культурном возрождении, пост-фольклорных трендах и авангарде современной музыки*” (*Mėnuo Juodaragis*, 2011).

В отличие от упоминавшихся выше “*Baltic Thunder*” и “*Kilkim Žaibu*”, здесь преобладает не столько воинственный, воинский, сколько ритуальный, жреческий аспект. Способствует этому и подбор исполнителей, среди которых преобладают группы, исполняющие менее агрессивную музыку. В разные годы на фестивале выступали не только многочисленные литовские неоязыческие группы, но также именитые гости

из-за рубежа, включая белорусские *Osimira, Druva, Essa, Litvintroll*. Могилевский *Pragnavit* был дважды приглашен на данный фестиваль, но по различным причинам музыканты не смогли принять в нем участие.

Беларусская сцена ритуального, архаичного фольклора, уходящего своими корнями в наследие Великой Литвы, является самобытным и самодостаточным явлением, постепенно расширяющим свои пределы. Немалую роль в популяризации сцены играют местные энтузиасты балтской идеи, собранные в стенах Центра этнокосмологии “Крыўя”, а также музыкальное издание “Stigmata”, организующее ежегодные фестивали – мини-аналоги “Mėnuo Juodaragis” – под названием “Crivia Aeterna”, которые собирают под свои знамена не только ведущие белорусские группы, вдохновляющиеся балтским наследием, но также поддерживающих концепцию фестиваля гостей из-за рубежа: “Для нас любая музыка – это часть ритуала, а наш ритуал – это пульсация Космоса, в котором Кривия – сакральное сердце Европы, Гиперборея, земля, рождающая самые крупные реки. В нашем Космосе нет места глобализации, бессмысленному потреблению и симулякрам общества спектакля, в нашем Космосе святыни – это Род и Вода-Земля, наш народ и наша тысячелетняя отчизна” (Crivia Aeterna).

Во многом благодаря “Crivia Aeterna” такие группы, как *Essa, Guda, Pragnavit*, перестали быть маргинальным, узкосубкультурным явлением, получили возможность обращаться к большим аудиториям, обрели последователей.

В особенности обращает на себя внимание “группа ритуального фольклора” *Essa* и ее харизматичный лидер Тодар Кашкуревич, известный популяризатор дуды – “*касмалагічнага, рытуальнага, актыўнага, мужчынскага*” (Кашкурэвіч, 2008), “*испокон веков... сакрального инструмента, который звучал лишь на особо важных ритуалах*” (Pragnavit). Т. Кашкуревич активно сотрудничает с другими музыкантами в рамках разнообразных проектов, результатом чего становятся стилистически непохожие друг на друга образчики ритуальной музыки, идеально воплощающей в себе жреческий архетип. Так, в 2005 году совместно с литовцами Г. Коверой и П. Вишняускасом (известным саксофонистом) под эгидой ЮНЕСКО был записан альбом “*Tylos Labanoro*”, ставший “*формой музыкальной импровизации в многочисленных путешествиях по священным языческим местам... Литвы и Беларуси*” (Tylos Labanoro).

Совместно с известным могилевским дарк-фолк-эмбиентным проектом *Pragnavit* Т. Кашкуревич в 2010 году записал композицию “Змеева гара”, посвященной древнему кривскому святилищу и ставшей “*своеобразной творческой данью сакральному месту*” (Pragnavit and Todor Kaškurevič, 2010).

Музыка *Pragnavit*, кстати говоря, тоже носит ярко выраженный ритуальный, жреческий характер, который неизменно присутствует и на живых выступлениях группы. В частности, стоящий за этим проектом Войст следующими словами охарактеризовал свой альбом “*Svietacjam*”:

“Хтоническая, тёмная сторона ритуалов, воплощённая в вербальном обрядово-образном ряде Svietacjam – это индивидуальная эзотерическая инициация в наследие и мировоззрение родовых кланов Кривии [так в тексте]. Материал Svietacjam представляет концепцию инициатического посвящения в Кривийскую Традицию на эзотерическом уровне. Таинство Ритуала воплощено в аутентично-экспериментальном ряде визуально-вербальных образов хтонической сферы, создатели которого представляют визионерское погружение в эзотерическое пространство DRUVIS, нашей примордиальной балтской Традиции” (Pragnavit).

Соединением двух сакральных, жреческих инструментов и традиций: кривской дуды и русских гуслей характеризуется творчество белорусско-российской группы *Hvarna*, музыканты которой *“оставляют слова [традиционных] песен и заговоры нетронутыми, но позволяют себе дать им иную музыкальную трактовку, оставляя магическую атмосферу ощущения мироздания их Предков”* (Hvarna).

Druva, проект музыкантов известной своей интерпретацией фольклорного наследия кривичей группы *Osimira*, своей музыкой являет *“отражение древнего ритуала и певческой традиции Кривии”* (Druva, 2008). Из молодых и менее известных широкой публике групп следует назвать минскую *Niamiha*, которая *“аб’ядноўвае мастакоў, архітэктараў, этнолагаў, фалькларыстаў, для якіх абрады, спеў, музыка склаліся ў сьветапогляд і набылі рэлігійны*

сэнс” и, одновременно, является *“сімвалам старажытнай тутэйшай балікай духоўнасьці, якая існуе ў плыні падземнай ракі і ніколі не засынае”* (Niamiha).

Отдавая должное военным победам Великой Литвы, ее богатому духовному наследию, не следует забывать о существовании еще одного важного сословия, архетип которого отчетливо проявляется в современной литовской и белорусской музыке. Земледелец, крестьянин поддерживает неразрывную связь как с воинским, так и с жреческим сословиями. Когда нападает враг, каждый мужчина, способный держать в руке меч, становится воином; в то же самое время, жизнь и труд на земле всегда носили глубокий духовный подтекст. Земледелец каждый день видел в окружающем его мире проявления сверхъестественного, поддерживал связь с богами, всевозможными духами, во многих случаях, иными, нежели те, с которыми приходилось иметь дело во время исполнения своих непосредственных обязанностей жрецам и воинам. Убрать одно из этих сословий – и Великая Литва никогда не стала бы великой. Все богатство духовной культуры, присущей архетипу земледельца, нашло свое отражение на современной музыкальной сцене наряду с архетипами воина и жреца.

Музыка земледельца – мирная музыка, музыка лесов и полей, годового языческого цикла, в которой находилось место также и для проявлений сверхъестественного, ведь традиционное мировоззрение и мировосприятие невозможны без ярко выраженного духовного начала. Неприметная,

сокрытая в тени воинских подвигов и религиозных церемоний, эта часть великолитовского наследия, тем не менее, донесла едва ли не наиболее аутентичную частичку его изначального духа, сохранившись в традиционном народном творчестве, народных песнях. Сегодня в эти песни новую жизнь вдыхает целая плеяда фольклорных коллективов на исторических землях Великой Литвы.

Среди них следует отметить, в частности, *Žalvarinis*, ставший плодом творческих усилий музыкантов известных на литовской сцене групп *Ugnėlakis* (языческий метал) и *Kūlgrinda* (архаический фолк). Группа предлагает собственную интерпретацию богатого фольклорного наследия Литвы, облаченного в форму современного фолк-рока, стремясь при этом “вдохнуть новую жизнь в исчезающие литовские народные песни, представив их в современной и привлекательной манере” (*Žalvarinis*).

Примерно то же самое можно сказать и о других литовских фолк-роковых группах – прежде всего, таких как *Atalyja* и *Pievos*. *Atalyja*, отличающаяся использованием большого количества народных инструментов, в своем творчестве стремится к “популяризации литовского фольклора, к тому, чтобы сделать древние песни более близкими и понятными современному слушателю” (*Atalyja*). В репертуаре группы широко представлены *sutartinės* – древние литовские многоголосные песни, а также архаичные народные праздничные песни. *Pievos*, в свою очередь, предлагает оригинальную интерпретацию фольклорного наследия северной Литвы.

Невозможно обойти вниманием в данном контексте и многочисленные литовские фольклорные коллективы, в творчестве которых используются архаичные народные мелодии, сюжеты и мотивы. Их песни охватывают все области жизни крестьянина, земледельца, трудившегося столетия назад на полях Великой Литвы: рождение и смерть, работу и отдых, праздники, смену времен года, чувства. Наряду с такими этнографическими проектами, стремящимися с минимальными искажениями реконструировать, воспроизвести народную музыку той эпохи, как упомянутые выше *Kūlgrinda*, *Autentiška Lietuvių Liaudies Muzika*, *Griežia rokiškėnų armonikininkai*, *Kuršių ainiai*, литовская сцена богата музыкантами, экспериментирующими с архаичным фолком, с помощью легких штрихов переводящими его в категорию нео- и пост-фолка, благодаря чему древняя форма расцветает новыми красками, становится более понятной и доступной для восприятия молодых поколений.

Архаичные мелодии в современной обработке (с использованием экзотических восточных инструментов) предлагает своему слушателю *Keisto folkloro grupė*. В своем творчестве музыканты затрагивают, в частности, такие важные для своих предков темы, как смерть (самый первый альбом группы, “*Apie smertį*” (“О смерти”), был основан на соответствующих архаичных народных песнях), время зимнего солнцестояния и Адвент (альбом “*Aleliumai loda*”). *Rugiaveidė* успешно сочетает в своем творчестве архаичный фолк и популярную музыку. На совместном с фольклорным

коллективом *Sedula* альбоме “*Kalėdu gytą Saulė pražydo*”, увидевшем свет в 2006 году, представлены архаичные песни, также исполнявшиеся во время зимнего солнцестояния.

Джазовые интонации в сочетании с аутентичным фольклором отчетливо слышны в творчестве известного джазмена С. Саснаукаса (совместно с фольклорной группой *Vydraga* записавшего оригинальный альбом “*Laumiu sakmes*” (“Предания ведьм”), где звуки архаичных инструментов образуют единое музыкальное полотно с современными электронными звуками), альбоме В. Повиленене и Д. Пулаускаса “*Vakaro dainos-loršinės*” (“Вечерние песни-колыбельные”).

Фольклорные импровизации на основе архаичной народной музыки с использованием аутентичных инструментов и современной электроники предлагает группа *Ženklas* Х. Невозможно не упомянуть также и такие пост-фолковые группы, как *Liberte* и *Spanxti*, которые, используя богатую звуковую палитру, создаваемую разнообразными традиционными и современными инструментами, различными манерами пения, вдыхают новую жизнь в древний архетип крестьянина, земледельца, делая его привлекательным и понятным современному поколению.

На белорусской музыкальной сцене великолитовский архетип земледельца отчетливее всего проявляется в музыке таких групп, как *Стары Ольса*, *Osimira*, *Guda*, *Testamentum Terrae*. В репертуаре группы *Стары Ольса*, к примеру, видное место занимают народные баллады и танцы эпохи Великого Княжества Литовского.

Народные песни, танцы, баллады и обрядовая музыка являются основой творчества “группы средневековой музыки” *Testamentum Terrae*. В творчестве музыкантов *Osimira* слушатель найдет “*музыку народных праздников, ярмарок и гуляний, ... мелодии природы нашей земли, где каждое место звучит по-своему*” (*Osimira*). Для наиболее полного выражения этого духа музыканты собственноручно воссоздают архаичные инструменты своей земли (*Osimira*), что, несомненно, способствует пробуждению великолитовской родовой памяти.

Исполнением архаичных обрядовых песен известна белорусская группа *Guda*. Обрядовые песни “*свидетельствуют не только об исключительной давности традиционной культуры, но также являются своеобразным “кодом”, посредством которого возможной становится психоэмоциональная близость потомков со своими предками*” (*Guda...*, 2010).

Таким образом, как показывают приведенные выше примеры, миф Великой Литвы, несомненно, весьма жизнеспособен в творчестве современных белорусских и литовских групп. Более того, в условиях современной музыкальной сцены он характеризуется многообразием музыкальных и смысловых форм, что определенно увеличивает сферу его влияния. Как показывает анализ ситуации на независимой музыкальной сцене обеих стран с момента ее зарождения в начале 1990-х, традиционная, архаическая народная музыка служит основой для различных музыкальных стилей – от фолка до ме-

тала через джаз, электронную и даже восточную музыку.

Важное место в творчестве музыкальных групп занимают проявления трех основных архетипов – воинского, жреческого и земледельческого – которые помогают лучше понять его идеологические основания, место в системе координат “прошлое – настоящее – будущее”.

В ближайшее время весьма вероятным выглядит появление новых подстилей и стилистических сочетаний, которые расширят целевую аудиторию слушателей и потенциальных сторонников балтской идеи. Также весьма вероятным видится

укрепление сотрудничества между представителями белорусской и литовской музыкальной сцены на основании общего великолитовского наследия, чему, несомненно, будет способствовать дальнейший рост и развитие кривского (балто-беларусского) сегмента музыкальной сцены, совместные проекты музыкантов из обеих стран, а также проведение таких знаковых и пропитанных идеологией панбалтизма фестивалей, как “Crivia Aeterna”, “Mėnuo Juodaragis” и “Kilkim Žaibu”. В отдаленном будущем это может стать одним из важных оснований дальнейшего социокультурного сближения двух стран.

Литература

1. Вайшкунас, Ё. (2005). “Romuva: Гутарка”, *Druvis*, №1: 155.
2. Дзермант, Аляксей (2008). “Жыцьцё і сьмерць мітаў: Крыўя”, *Крыўя*, URL (доступ 10.06.2011) http://kryuja.org/artykuly/bielaruskaja_atliantya/dziermant_kryuja.html.
3. Дзермант, Аляксей (2009). “Notanga”, *Livejournal.com*, URL (доступ 10.06.2011) <http://kryviec.livejournal.com/265007.html>.
4. Кашкурэвіч, Тодар (2008). “Літоўская дуда: інструмент-міф”, *Druvis*, №2: 102.
5. Мікус, Алесь (2008). “Гутарка”, *Вартаўнік Дзяржавы*, №4: 8.
6. Рокаш [Интервью с группой] (2006). *Metalscript.Net*, URL (доступ 10.06.2011) <http://metalscript.net/2006/10/interv-yu-z-gurtom-rokash>.
7. Стары Ольса (Дискография группы). *Официальная страница группы*, URL (доступ 10.06.2011) <http://staryolsa.com/rus/albomy.html>.
8. Эвола, Ю. (1990). *Языческий империализм*. Москва: Арктогея. URL (доступ 10.06.2011) <http://www.arctogaia.com/public/evola/evola1.htm#4>.
9. Atalyja (Биография группы). *Официальная страница группы*, URL (доступ 10.06.2011) http://www.atalyja.com/main_en.aspx.
10. Andaja (Биография группы). *Ferrum*, URL (доступ 10.06.2011) <http://www.ferrum.lt/f/grupes/25>.
11. Andaja [Заявление группы] (2007). *Latvian Metal Webzine*, URL (доступ 10.06.2011) <http://kloaka.cosmos.lv/index.php?lang=ru&page=comm&year=2007&month=September&stat=arc&id=834>.
12. Crivia Aeterna. *Stigmata*, URL (доступ 10.06.2011) <http://www.stigmata.name/crivia-aeterna>.
13. Dalakon (Биография группы). *Niemaracz Clan*, URL (доступ 10.06.2011) <http://niemaracz.com/ru/projects/dalakon>.
14. Dangus Productions (Аннотация лейбла). *Dangus*, URL (доступ 10.06.2011) <http://www.dangus.net/mailorder/catalogue.htm>.

15. Donis su Kulgrinda “Sotvaras”, аннотация альбома. *Dangus*, URL (доступ 10.06.2011) <http://www.dangus.net/releases/index.htm>.
16. Druva [Информация об исполнителе] (2008). *Menuo Juodaragis*, URL (consulted 10.06.2011) http://www.mjr.lt/arc/mjr2008/htm/dalyviai/e_druva.htm.
17. “Guda” – анклаў архаікі ў сэрцы Еўропы (2010). *Kryuja*, URL (доступ 10.06.2011) http://kryuja.org/vydvaiectva/druvis/guda_interviju.html.
18. Gvata/Pragnavit, рецензия на альбом (2010). *Stigmata*, URL (доступ 10.06.2011) <http://www.stigmata.name/archives/4116>.
19. Ha Lela (Биография группы). *Ferrum*, URL (доступ 10.06.2011) <http://www.ferrum.lt/f/grupes/88>.
20. Ha Lela [Интервью с группой] (1996). *Dark Moon* №3, URL (consulted 10.06.2011) http://www.darkmoonzine.net/dmz/history/issues_rtf/halela.rtf.
21. Heavy metal and folk music festival „Kilkim Žaibu“. *Official web-site of the festival*. URL (consulted 10.06.2011) <http://www.kilkimzaibu.com/en/kilkim-zaibu/idea>.
22. Hvarna [Страница группы]. *Myspace*, URL (доступ 10.06.2011) <http://www.myspace.com/hvarna>.
23. “Kas tave šaukia...”, рецензия на альбом (2010). *Stigmata*, URL (доступ 10.06.2011) <http://www.stigmata.name/archives/3339>.
24. Medievil. *Официальная страница группы*, URL (доступ 10.06.2011) <http://medievil.net/>.
25. “Menuo Juodaragis” (2011). *Wikipedia*, URL (доступ 10.06.2011) http://en.wikipedia.org/wiki/M%C4%97nuo_Juodaragis.
26. Meressin [Биография группы]. *Официальная страница группы*, URL (доступ 10.06.2011) http://www.meressin.com/meressin%20official/biography_en.html.
27. Niamiha [Страница группы]. *Vkontakte*, URL (доступ 10.06.2011) <http://vkontakte.ru/club18965734>.
28. “Notanga 3000” [Перевод текста песни группы Notanga]. *Seidr*, URL (доступ 10.06.2011) <http://seidr.woods.ru/notanga.htm>.
29. Obtest (1997). Текст посвящения на альбоме “Tukstantmetis”.
30. Obtest [Интервью с группой] (2006). *Metal Art* 1: 13.
31. Obtest [Интервью с группой]. *Vibrations of Doom* 34, URL (доступ 10.06.2011) <http://vibrationsofdoom.com/issues/doom33.htm>.
32. Osimira [Интервью с группой]. *Знамя Юности*, URL (доступ 10.06.2011) <http://osimira.by.ru/rus/inter2.html>.
33. Roccolus [Интервью с группой] (1995). *Calmant* 2: 4.
34. Roccolus [Интервью с группой]. *Сотсирх Сусии* 2: 64.
35. Pragnavit [Интервью с группой]. *Stigmata*, URL (доступ 10.06.2011) <http://www.stigmata.name/voist1.php>.
36. “Pragnavit & Todar Kaškurevič “Žmiejeva Hara” (2010). *Stigmata*, URL (доступ 10.06.2011) <http://www.stigmata.name/archives/2781>.
37. Sovijus [Информация об исполнителе] (2005). *Menuo Juodaragis*, URL (consulted 10.06.2011) http://www.mjr.lt/arc/mjr2005/htm/dalyviai/e_sovijus.htm.
38. Thundertale [Страница группы]. *Myspace*, URL (доступ 10.06.2011) <http://www.myspace.com/thundertale>.
39. “Tylos Labanoro”. *Kryuja*, URL (доступ 10.06.2011) http://kryuja.org/muzyka/tylos_labanoro/.
40. Zroan Vtenz [Страница группы]. *Myspace*, URL (доступ 10.06.2011) <http://www.myspace.com/zroanvtenz>.
41. Žalvarinis [Биография группы]. *Ferrum*, URL (consulted 10.06.2011) <http://www.ferrum.lt/english/band.php?id=22>.